

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Дроздов Н.М.

**ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ
О ПРЕОБРАЗОВАНИИ
ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ
В ИСТОРИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ**

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Духовно-просветительский
центр «Иліотропіонъ»
<http://andreyblag.ru>

Москва, 2013

Предположенія о преобразованіи духовныхъ Академій въ историческомъ освѣщеніи.

Новый трудъ по исторіи Кіевской Академіи.—Особый интересъ исторіи Кіевской Академіи для нашего времени.—Предположенія о преобразованіи духовныхъ Академій.—Автономія или самоуправленіе въ старой Кіевской Академіи — Отношеніе Академіи къ мѣстнымъ архіереямъ — Столкновенія Академіи съ ними.—Протестъ профессоровъ противъ распоряженій митрополита въ формѣ забастовки.—Независимость Академіи отъ военныхъ и гражданскихъ властей и собственный судъ.—Выборы ректора изъ среды наличныхъ профессоровъ.—Участіе студентовъ въ выборѣ ректора.—Проектъ конкурса для соискателей ректорской должности.—Отношеніе Академіи къ Кіево-Братскому монастырю — Ходатайство Академіи о закрытіи Братскаго монастыря.—Неудобства и затрудненія отъ возложенія обязанностей ректора Академіи и настоятеля монастыря на одно лицо.—Монашескій санъ, какъ гарантія нравственныхъ достоинствъ ректора —Выборы префекта и профессоровъ.—Инспекторы изъ студентовъ Академіи.—Академія, какъ всесловное, открытое учрежденіе.—Свобода ученія.—Проектъ преобразованія Академіи въ университетъ съ богословскимъ факультетомъ.—Студенческія организаціи или корпораціи (конгрегаціи) и сходки.—Возстанія студентовъ противъ инспекціи и бойкотированіе профессоровъ.

Въ настоящемъ году вышелъ зъ Кіевѣ второй томъ второй серіи „Актонъ и документовъ, относящихся къ исторіи Кіевской Академіи“ (первый томъ въ двухъ частяхъ изданъ въ 1904), собранныхъ и научно обработанныхъ профессоромъ Н. И. Петровымъ. Томъ этотъ, обнимающій время съ 1751 по 1762 г., снабженъ подробнымъ введениемъ, въ которомъ, на основаніи документальныхъ данныхъ, очерчивается, въ связи съ событіями общерусской исторіи и, въ частности, исторіи южно-русской церкви, состояніе Академіи въ гетманство К. Г. Разумовскаго (1750—

1763 г.), а также многочисленными пояснительными предисловиями, послѣсловіями и подстрочными примѣчаніями къ отдѣльнымъ документамъ и группамъ ихъ, вслѣдствіе чего онъ, представляя глубокой интересъ для людей науки, можетъ съ интересомъ быть прочитанъ и использованъ также всякимъ любознательнымъ читателемъ. Разсматриваемый томъ составляетъ продолженіе предпринятаго въ 1901 г., по инициативѣ и на средства (при пособіи отъ Св. Синода) бывшаго ректора нашей академіи епископа (нынѣ архіепископа Херсонскаго и Одесскаго) Димитрія, изданія относящихся къ исторіи Кіевской Академіи (до 1819 г.) актовъ и документовъ въ видахъ составленія полной научной исторіи Академіи ко времени приближающагося (въ 1915 г.) трехсотлѣтняго юбилея ея, потому что прежніе труды по исторіи Кіевской Академіи преосвященнаго Макарія и В. И. Аскоченскаго уже устарѣли и не могутъ быть признаны удовлетворительными въ настоящее время, по открытіи и обследованіи многихъ документовъ, оставшихся обоимъ этимъ историкамъ неизвѣстными, позднѣйшія же работы по исторіи Академіи Н. И. Петрова, С. Т. Голубева, И. И. Малышевскаго, В. Серебренникова, Д. Вишневскаго и др. обнимаютъ лишь отдѣльные періоды или моменты изъ исторіи Академіи и могутъ получить въ нѣкоторыхъ частяхъ восполненіе или новое освѣщеніе благодаря изданію, по возможности, всѣхъ, относящихся къ исторіи Академіи, документовъ и повому обследованію ихъ. Но и эти позднѣйшія работы, а въ особенности два вышеупомянутыхъ тома актовъ, даютъ въ общей сложности весьма богатый матеріалъ для ознакомленія съ исторіей Кіевской Академіи, которое въ особенности представляетъ интересъ въ наши дни, какъ могущее служить къ уясненію и освѣщенію современной академической жизни и, въ частности, обнаружившихся въ ней въ послѣднее время нѣкоторыхъ нестроеній, равно какъ предположеній о мѣрахъ, отчасти уже осуществленныхъ, къ

возстановленію и укрѣпленію нормальнаго теченія ея и о дальнѣйшемъ преобразованіи духовныхъ академій. Въ этихъ предположеніяхъ замѣчается три главныхъ направленія. Представители одного направленія проектируютъ превратить духовныя академіи въ высшія церковныя школы, въ которыхъ преподавались бы только богословскія науки и которыя имѣли бы цѣлью не столько доставленіе высшаго богословскаго образованія, сколько воспитаніе въ духѣ строгаго благочестія и приготовленіе своихъ воспитанниковъ къ пастырскому служенію и къ преподаванію богословскихъ наукъ въ духовныхъ школахъ. Но мы не будемъ останавливаться на этомъ направленіи, не только стремящемся къ измѣненію самаго типа духовныхъ академій, выработавшагося вѣками, но и идущемъ въ разрѣзъ съ современными задачами православной Церкви и требованіями времени и обрекающемъ богословскую науку, развитіе которой возможно лишь въ связи съ другими, близко соприкасающимися съ нею науками, на вѣчный застой. Болѣе заслуживаютъ вниманія другія два направленія, представители которыхъ, удерживая въ общемъ существующій типъ духовныхъ академій, расходятся между собою въ возрѣніяхъ на частныя стороны академическаго строя. Представители одного изъ этихъ направленій, которое можно назвать консервативнымъ, являются приверженцами старыхъ, традиціонныхъ порядковъ и, идеализируя ихъ, не только самыя нарушенія нормальнаго теченія академической жизни приписываютъ ослабленію стараго режима, но и не допускаютъ никакихъ почти измѣненій существующаго академическаго строя, признавая ихъ новшествами, непримѣнными къ академіямъ. Другое направленіе имѣетъ прогрессивный характеръ. Представители его, слѣдуя заповѣди апостола: *вся искушающе, добрая держите*, признаютъ необходимымъ удерживать лишь тѣ изъ традиціонныхъ порядковъ, польза и цѣлесообразность которыхъ дознаны на дѣлѣ; они видятъ одну изъ

главныхъ причинъ отрицательныхъ явленій современной академической жизни въ недостаткахъ существующаго академическаго строя, считаютъ необходимымъ примѣнить его къ требованіямъ современной жизни и къ современнымъ задачамъ православной Церкви и богословской науки и смотрятъ на многія изъ предполагаемыхъ и отчасти уже осуществившихся измѣненій его не какъ на новшества, а какъ на возстановленіе и далыѣйшее развитіе старыхъ порядковъ, уничтоженныхъ вслѣдствіе соображеній, не только чуждыхъ академическимъ интересамъ, но и идущихъ нерѣдко въ разрѣзъ съ ними. Имѣя въ виду послѣднія два направленія, мы, при помощи вышеозначенныхъ историческихъ трудовъ, остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни старой Кіевской Академіи, наиболѣе представляющихъ, по нашему мнѣнію, интересъ для нашего времени.

Однимъ изъ главныхъ средствъ для успѣшнаго выполненія научныхъ и учебно-воспитательныхъ задачъ высшими учебными заведеніями въ настоящее время большею частью признается предоставленіе имъ *самоуправленія* или *автономіи*, которою они въ значительной мѣрѣ пользовались въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, но были лишены въ 80-хъ годахъ подъ гнетомъ усилившагося бюрократизма. Но Кіевская академія пользовалась въ довольно широкихъ размѣрахъ самоуправленіемъ уже въ XVII и XVIII вѣкахъ. Говоря это, мы не имѣемъ въ виду *отношеніе ея къ мѣстному архіерею* и впоследствии къ Св. Синоду. Просвѣщеніе въ тѣ времена распространялось главнымъ образомъ духовенствомъ. Кіевская Академія почти до конца XVIII в. находилась большею частью въ тѣсной связи съ Братскимъ монастыремъ и имѣла общія съ нимъ средства содержанія (за исключеніемъ немногихъ, специально-академическихъ), находившіяся въ распоряженіи монастырской администраціи. Не только начальниками, но, за немногими исключеніями, и преподавателями ея были лица мона-

шествующія¹⁾, для которыхъ преподаваніе въ академіи было какъ бы однимъ изъ видовъ послушанія. Естественно, поэтому, что они, а вмѣстѣ съ ними и академія, хотя сначала были независимы отъ мѣстной церковной власти, но впоследствии находились большею частью въ подчиненіи мѣстнымъ архіереямъ и Св. Синоду. Отсюда иногда возникали *между академіей* или ректорами ея и *мѣстнымъ архіереемъ столкновенія*, какъ, напр., между ректоромъ академіи Іоанніемъ Галятовскимъ (съ 1658 до 1665 или 1669 г.) и мѣстоблюстителемъ Кіевской митрополіи епископомъ Меодіемъ Филимоновичемъ, человѣкомъ по тому времени довольно образованнымъ, но преслѣдовавшимъ исключительно личные интересы, которые не всегда сходились съ интересами кіевскихъ ученыхъ. Вслѣдствіе оскорбленій и гоненій со стороны Меодія Галятовскій вынужденъ былъ удалиться въ Галицію и скитаться по разнымъ отдаленнымъ отъ Кіева городамъ²⁾. Обостренныя отношенія были также между академіей и Кіевскимъ архіепископомъ Варлаамомъ Ванатовичемъ, который, получивъ указъ Св. Синода отъ 10 марта 1726 г. о предоставленіи въ его вѣдѣніе Кіевскихъ школъ, доносилъ Св. Синоду, что исполнять по этому указу будетъ „съ тѣмъ только условіемъ, чтобы ректоръ и префектъ съ учителями моему смиренію были повольными и послушными, понеже не малое уже отсюда усмотрѣхъ ропчущее упрямство и несыповнее послушаніе, каковое единымъ токмо старческимъ моимъ молчаніемъ и болѣзненнымъ терпѣніемъ сношу“³⁾. Еще болѣе

¹⁾ Впрочемъ, въ первыя времена по основаніи Академіи (Богоявленской школы) преподавателями ся были большею частью свѣтскія лица. См. С. Т. Голубева, Исторія Кіев. Акад. вып. I, Кіевъ, 1856, стр. 219.

²⁾ С. Т. Голубевъ, Кіевская Академія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. Кіевъ, 1901, стр. 2 и 31—32.

³⁾ Н. И. Петровъ, Акты и докум., относ. къ исторіи Кіевской Академіи. Отд. II, т. I, ч. 1, стр. 18—19.

обостренный характер имѣли отношенія между академіей и митрополитомъ Тимошеемъ Щербацкимъ, который смотрѣлъ на академію, какъ на епаршеское учебное заведеніе, и старался подчинить ее своей консисторіи не только во внѣшнихъ, матеріальныхъ дѣлахъ, но и въ назначеніи начальниковъ и профессоровъ академіи и въ опредѣленіи предметовъ и порядка ихъ преподаванія, но встрѣтилъ противодѣйствіе какъ со стороны профессоровъ академіи, такъ въ особенности со стороны ректора ея Сильвестра Ляскоронскаго, который вслѣдствіе столкновеній съ митрополитомъ былъ удаленъ въ 1751 г. отъ должности¹⁾). Иногда протестъ профессоровъ противъ распоряженій митрополита выражался въ формѣ забастовки или демонстративнаго прекращенія чтенія лекцій. Такъ, въ августѣ 1755 г. тотъ же митрополитъ Тимошей собственною властью назначилъ въ ректоры академіи не принадлежащаго къ ея составу архидіакона Манассію Максимовича и въ томъ же году въ префекты академіи пригласилъ Мгарскаго игумена Досіея Галяховскаго, чѣмъ преграждалось повышеніе по службѣ наличныхъ профессоровъ академіи и нарушалось предоставлявшееся большею частью самой академіи право избранія ректора и префекта. Профессора академіи въ томъ же августѣ мѣсяцѣ замыслили по этому поводу какую-то демонстрацію противъ митрополита и рѣшили отказаться отъ преподаванія порученныхъ имъ предметовъ. При этомъ не лишено интереса то обстоятельство, что профессора эти были лица монашествующія, а именно: іеромонахи Авраамъ и Теофилъ и іеродіаконы Павелъ, Самуиль, Мелхиседекъ, Викторъ и Іоакимъ. Митрополитъ, вмѣсто какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ, ограничился лишь пастырскимъ внушеніемъ этимъ профессорамъ въ формѣ слѣдующаго письменнаго предложенія: „Честнымъ Академіи нашея Кіевскія

¹⁾ Н. И. Петровъ, Акты и док., отд. II, т. II, стр. XIV и XX—XXIV.

учителямъ... Божія благословія при нашемъ архіерейскомъ желая предлагаемъ. Извѣстно намъ пастиревѣ учинено, что нѣкоторые въ васъ на слѣдующій годъ ученія преподавать яко бы уже желанія не имѣютъ, но не вѣдаемъ, отчего бъ сіе кому послѣдовати могло? ежели для того, что буди кто съ васъ чувствуетъ въ себѣ въ чемъ недостаточество, или чрезъ тое какое поврежденіе внутреннему и внѣшнему здравію, то такового нежеланіе за совѣстній резонъ признать мощно. Ежели жъ кто такового препятствія къ тому не имѣетъ и можетъ какъ въ ученіи учениковъ надлежанце, сколько званіе учителское требуетъ, тако и въ наставленіи онихъ къ добродѣтельному житію и богоугоднымъ нравомъ достаточно удовлетворить, то такому не надлежитъ, сокрывая свипше дарованній къ славѣ Божіей и къ ползѣ ближнему талантъ, отъ такового богоугоднаго званія удалятся. И потому честностямъ вашимъ, кто желаетъ на слѣдующій годъ въ учителскомъ званіи быть, на основаніи богоугоднаго житія своего и благополезнаго себѣ и ученикамъ ученія въ славу Божію, и кто не желаетъ за резонную совѣсть, всякому противъ своего имени собственноручно подписатся архіерейско притверждаемъ“. Внушеніе это оказало должное дѣйствіе, и забастовавшіе-было профессора согласились продолжать ученіе въ наступавшемъ учебномъ году. При томъ же и игуменъ Досиѣей Галяховскій отказался отъ префектуры въ Академіи ¹⁾. Но большею частью Кіевскіе архіереи были покровителями академіи, входили съ большимъ участіемъ во всѣ подробности ея жизни, охраняли ея права, заботились объ ея нуждахъ и, въ виду скудости средствъ содержанія ея, оказывали ей постоянную матеріальную помощь, которая иногда достигала довольно значительныхъ размѣровъ.

Но, находясь большею частью въ зависимости отъ мѣстнаго архіерея, академія пользовалась *независимостью*

¹⁾ Тамъ же, стр. XV и 172—173.

отъ гражданскихъ и военныхъ властей и собственнымъ судомъ и ревностно отстаивала эти свои права. Это, по-видимому, были исконныя права ея и, по ея ходатайству, они были подтверждены царской грамотой 11 января 1694 г., которою между прочимъ предписывалось „игумену Братскаго монастыря и ректору съ братією“, учениковъ „неспокойныхъ и вражды творящихъ унимать и смирять и ни до какова своевольства ихъ не допускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать... и всякихъ чиповъ ратнымъ людямъ разныхъ полковъ и кievскаго и иныхъ полковъ же полковникомъ и казакамъ и кievскому войту и мѣщаномъ никакихъ ему, ректору, и учителемъ и ученикомъ, въ школахъ будучимъ, обиды и утѣсненія не чинить“. Но въ этой грамотѣ въ недостаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ говорится о предоставленіи академіи самоуправленія и собственнаго суда надъ учащимися, хотя это право и вытекало изъ общаго характера дарованныхъ ею правъ академіи. Это обстоятельство служило поводомъ къ частымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ между академіей, болѣе извѣстной въ то время подъ именемъ коллегіи, и представителями свѣтской власти, и въ особенности съ кievскою ратушей. Въ 1699 г. кievскій войтъ занесъ въ Москвѣ жалобу на коллегіатовъ и выхлопоталъ государеву грамоту, предоставлявшую кievскимъ мѣщанамъ право „приводить въ приказную избу“ безчинствующихъ студентовъ, т. е. судить ихъ за проступки свѣтскимъ судомъ, чѣмъ вскорѣ мѣщане и воспользовались, засадивъ провинившагося студента въ ратушную тюрьму, а отсюда для суда въ приказную избу. Обстоятельство это произвело сильное волненіе среди коллегіатовъ, и вся коллегія in corpore, т. е. профессора и студенты, обратились къ Кievскому митрополиту Варлааму Ясинскому съ жалобой на кievскихъ мѣщанъ за нарушеніе ими правъ коллегіи, а митрополитъ, въ свою очередь, принесъ, чрезъ митрополита Стефана Яворскаго, жалобу царю Петру Алексѣевичу. Въ

этой жалобѣ митрополитъ Варлаамъ между прочимъ писалъ, что „кіевскій войтъ съ мѣщаны чинить великую Братскихъ школъ учителемъ обиду, нарушая, —какъ говорится въ отвѣтной грамотѣ,— великаго Государя жалованную грамоту, привлекая себѣ власть, емлетъ студентовъ въ ратушу, не извѣщая власти духовной, ректору и префекту надлежаней правильно, *яко же означала того училища*, но еще изъ своей ратуши отдаетъ въ верхній городъ къ генералу, въ Кіевѣ нынѣ будущему“, и ходатайствовалъ, дабы Кіево-Братскому игумену и ректору дана была вторая подтвердительная царская грамота, „чтобы тѣхъ училищъ надъ студентами впредь мѣщане и генералъ нашъ, будущій въ Кіевѣ, не имѣли въ томъ надъ ними воли и власти; а кто изъ студентовъ явится кому виновенъ, чтобъ искать управы въ надлежащемъ судѣ и правѣ школъ Братскихъ Кіевскихъ у ректора и префекта, *якоже и прежде было означала*. А учителя и студенты били жъ челомъ, что Академія ихъ Кіево-Могилянская, *отъ прежняго своего основанія* будучи равными привилеями, какъ обыкновенно инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ право свободность имѣти, подтверждена, нынѣ не свободна есть, но подъ игомъ тяжелой обиды пребываетъ отъ мѣщанъ кіевскихъ, о чемъ покорственно оные учителя и ученики ихъ преосвященнаго митрополита кіевского просятъ, чтобы онъ своимъ челобитьемъ къ намъ великому Государю ходатайствовалъ о свободженіи отъ безчинства и дерзости мѣщанъ Кіевскихъ, а какая-де случится вина,—судъ бы былъ въ академіи“. Здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что какъ митрополитъ, такъ въ особенности профессора и студенты въ основаніе своего ходатайства о возстановленіи нарушенныхъ правъ коллегіи указываютъ не только на царскую грамоту 1694 г., но также на исконныя права коллегіи, которыми она пользовалась съ самаго основанія своего наравнѣ съ иностранными академіями. Царь Петръ Алексѣевичъ

уважилъ просьбу Кіевскаго митрополита. Своею грамотою 26 сентября 1701 г. онъ подтвердилъ грамоту 1694 г., предоставивъ ректору и префекту коллегіи судъ надъ студентами, но съ тѣмъ, что если они виновнымъ студентамъ не учинять управы, то обиженные могутъ вступать съ жалобами къ митрополиту; если же и митрополитъ не захотѣлъ бы дать надлежащаго удовлетворенія, въ такомъ случаѣ виновные воспитанники подвергаются общему суду кіевскихъ воеводъ, безъ нарушенія однако же правъ коллегіи ¹⁾).

Академія въ XVII и XVIII вѣкѣ пользовалась также *выборнымъ началомъ*, которое нерѣдко, впрочемъ, ограничивалось митрополитами, а въ XVIII в. и Св. Синодомъ. *Ректоръ избирался обыкновенно изъ среды наличныхъ профессоровъ академіи* и вмѣстѣ съ должностью ректора всегда почти *исполнялъ обязанности профессора*. Въ выборахъ его участвовали не одни профессора, но нерѣдко и все ученое духовенство города Кіева (члены „консисто́ріума“, настоятели кіевскихъ монастырей). Участіе этихъ лицъ въ выборахъ объясняется ихъ тѣсными связями съ академіей, такъ какъ всѣ они, за рѣдчайшими исключеніями, въ академіи начинали свою карьеру: были профессорами, а многіе и ректорами академіи,—всѣ они были, какъ иногда выражались о нихъ, *emeritissimi professores, rectores*, и никогда не прерывали тѣснаго общенія съ своею Alma Matre ²⁾ Иногда *въ избраніи ректора академіи принимали участіе и студенты старшаго курса*. Такъ, на мнѣніи Кіевской консисторіи о назначеніи Давида Нащинскаго ректоромъ Кіевской академіи и архимандритомъ Кіево-Братскаго монастыря „собственно-

¹⁾ Н. И. Петровъ, Кіевская Акад. во второй половинѣ XVII в. Кіевъ, 1895 г., стр. 52 и 123—125; С. Т. Голубевъ, Кіевская Акад. въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в., стр. 8—9.

²⁾ С. Т. Голубевъ, Кіев. Акад., стр. 14, 34—35 и 54; Н. И. Петровъ, Акты и докум., т. II, стр. XIV, XXVI и 224—233.

ручно его преосвященствомъ (митрополигомъ Арсеіемъ Могиліанскимъ) подписаиа резолюція 1758 года сентября 24 дня: потребовать еще от богослововъ, кого они желаютъ, кромѣ нинѣшного архимандрита Слуцкого Давида, учителемъ богословія (и ректоромъ) і, оное желаніе их писменное взявъ, его преосвященству представить. И во исполненіе оной его преосвященства собственноручной резолюціи, за востребованіемъ духовною его преосвященства Консистоіею, в силѣ оной же его преосвященства резолюціи, от оних богослововъ доношеніе того жъ сентября 25 д. подано і оное в оригиналѣ его преосвященству при доношеніи отъ 25 сего сентября в благоразсмотреніе представляемо было. В ономъ же доношеніи показаніе богослови 16 человекъ объявили свое желаніе, что они единогласно жалають быть в Академіи Кіевской ректоромъ и священнои богословія учителемъ нинѣшного академіи Кіевской префекта и философіи учителя іеромонаха Самуила Миславскаго, почему де и просятъ его преосвященства они богослови означенного академіи Кіевской префекта іеромонаха Самуила Миславскаго, яко во священнои богословіи искусного і в трудах рачителного, им богословам священнои богословія во учителя и Академіи Кіевской в ректора опредѣливъ, быть благословить“¹⁾. Въ томъ же году однимъ изъ избирателей, каѳедральнымъ уставщикомъ іеромонахомъ Сиоомъ была высказана не лишешная интереса мысль назначить пѣчто въ родѣ *конкурса* для соискателей должности ректора. Изложивъ тѣ высокія требованія, какимъ долженъ удовлетворять избираемый, какъ ректоръ и какъ профессоръ богословія, Сиоъ говоритъ: „можетъ ли кто такому званію удовлетворить изъ находящихся учительныхъ людей, мнѣ неизвѣстно. Того ради приложилъ мнѣніе таково: имѣющимъ какъ въ катедрѣ, такъ и въ академіи учительнымъ людямъ

1) Н. И. Петровъ, Акты и док., т. II, стр. 269—270.

дать въ подлежащемъ и къ богословіи касающемся дѣлѣ публичную диспуту“¹⁾). При утвержденіи кандидатовъ въ ректоры митрополитами принималось во вниманіе *большинство избирательныхъ голосовъ*, какъ видно изъ резолюціи митрополита Арсенія Могилянскаго отъ 25 іюля 1758 г.: „изъ представленныхъ отъ разныхъ персонъ разныхъ кандидатовъ понеже единъ всечестный архимандритъ Слуцкій Давидъ Напцинскій отъ болшей части и въ первыхъ представляется онъ же, какъ усматривается, учя школы, проходилъ порядочно грамматику, синтаксиму, шитику, риторику и философію, того ради его и опредѣлить архимандритомъ Кіево-Братскаго училищнаго монастыря, ректоромъ и богословіи учителемъ“²⁾).

Должность ректора въ Кіевской академіи большею частью соединялась съ *должностью настоятеля Кіево-Братскаго монастыря*. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что Кіевская академія находилась нѣкогда въ тѣсной связи съ Братскимъ монастыремъ и доселѣ находится въ однѣхъ стѣнахъ съ нимъ, даетъ поводъ приверженцамъ старыхъ порядковъ утверждать, что традиціонная связь Кіевской академіи съ Братскимъ монастыремъ должна быть сохранена при предстоящей реформѣ и что ректорами этой Академіи и теперь должны быть исключительно лица монашествующія, и именно настоятели Кіево-Братскаго монастыря. Но болѣе или менѣе близкая связь Кіевской Академіи съ Братскимъ монастыремъ существовала лишь до тѣхъ поръ, пока они имѣли общія средства содержанія, т. е. до 1786 года, и пока преподавателями академіи были, за немногими исключеніями, лица монашествующія. Въ 1786 г. не только академія получила особый штатный окладъ, но и монастырь Братскій былъ закрытъ, вмѣстѣ съ чѣмъ навсегда была пор-

¹⁾ *Ibid.*, стр. 233 и 270.

²⁾ *Ibid.*, стр. 233 и 270.

вана и прежняя связь его съ академіей. Хотя въ 1799 году Кіево-Братскій монастырь снова былъ возстановленъ, но какъ особое, совершенно отдѣльное отъ академіи учрежденіе, съ своими особыми матеріальными средствами, связанное съ послѣднимъ лишь чрезъ внѣшнее сосѣдство и чрезъ поддерживавшееся до послѣдняго времени искусственное соединеніе совершенно разнородныхъ должностей ректора академіи и настоятеля монастыря въ одномъ лицѣ, хотя Московская и Петербургская академіи, находящіяся, подобной Кіевской, также при монастыряхъ, свободны отъ этой искусственной связи. Впрочемъ, и въ Кіевской академіи не всегда ректоры были настоятелями Кіево-Братскаго монастыря. Такъ, въ теченіе тѣхъ 13 лѣтъ, когда Кіево-Братскій монастырь былъ закрытъ, ректоры Кіевской академіи (Варлаамъ Миславскій, Иеронимъ Блонскій и Теофилактъ Слоницькій) были настоятелями Михайловскаго и Николаевскаго Пустыннаго монастыря¹⁾. Также первые ректоры академіи (Кіево-Братской школы) Іовъ Борецкій, Кассіанъ Саковичъ, Мелетій Смотрицкій, Ѳома Іевлевичъ) и нѣкоторые изъ послѣдующихъ ректоровъ не были настоятелями Кіево-Братскаго монастыря²⁾. Слѣдуетъ замѣтить также, что помѣщеніе академіи въ одной оградѣ съ монастыремъ соединяется съ значительными неудобствами для обоихъ этихъ учреждений, и поэтому когда, вслѣдствіе преобразованія академіи (1869 г.), явилась необходимость расширенія академическихъ зданій, то снова возникла мысль *о закрытіи Кіево-Братскаго монастыря* и о приспособленіи зданій его для нуждъ академіи. Мысль эта принадлежитъ лицу, которое отнюдь нельзя заподозрить въ антицерковномъ или антимона-

¹⁾ В. Серебренниковъ, Кіевская Акад. съ полов. XVIII в. до преобразованія ся въ 1819 г. Кіевъ, 1897, стр. 18 и 19.

²⁾ С. Т. Голубевъ, Ист. Кіев. Ак. I, стр. 213—218; Н. Ѳ. Мухинъ, Кіево-Братскій монаст. Кіевъ, 1893, стр. 65.

шескомъ направленіи, именно ректору академіи и настоятелю Кіево-Братскаго монастыря архимандриту (впоследствии епископу) Филарету, отличавшемуся, по свидѣтельству историка этого монастыря, профессора Н. Θ. Мухина, необыкновенною любовью и заботливостью о благѣ ввѣреннаго ему монастыря и въ теченіе своего семнадцатилѣтняго (съ 1860 по 1877 г.) управленія этимъ монастыремъ успѣвшему заявить себя широкою и благотворною дѣятельностью на пользу его ¹⁾. Филаретъ 9 октября 1870 г. предложилъ Совѣту академіи ходатайствовать предъ Св. Синодомъ для благоустройства академіи о закрытіи монастыря. Предложеніе это было принято всѣми членами Совѣта, въ числѣ которыхъ были извѣстный своею высокою религіозностью и ученостью архимандритъ (нынѣ епископъ Каневскій) Сильвестръ и ветеранъ нашей академіи, профессоръ В. Θ. Пѣвницкій. Ходатайство Совѣта было, впрочемъ, отклонено митрополитомъ Арсеніемъ ²⁾. Но въ особенности значительныя *неудобства и затрудненія* обнаруживались *вслѣдствіе возложенія обязанностей ректора и настоятеля Братскаго монастыря на однихъ и тѣхъ же лицъ*, изъ которыхъ нерѣдко одни особое расположеніе оказывали монастырю, въ ущербъ интересамъ академіи, а другіе, наоборотъ, дѣйствовали болѣе въ пользу академіи, вслѣдствіе чего возникали пререканія между академической корпораціей и монастырской братіей и жалобы съ той или другой стороны на ректора, что въ особенности имѣло мѣсто въ то время, когда академія и монастырь имѣли общія средства содержанія. Такъ, Варлаамъ Ясинскій, будучи ректоромъ Академіи (коллегіи) и игуменомъ монастыря, гораздо болѣе принималъ къ сердцу, какъ человекъ образованный и науколюбивый, инте-

1) Н. Θ. Мухинъ, тамъ же, стр. 255.

2) Протоколы засѣданій Совѣта К. Д. А. 9 окт. 1870 г., стр. 13—14 и 6 нояб. того же года, стр. 1—2.

ресы академіи, чѣмъ монастыря. Это вызвало сильное недовольство со стороны неученаго или, по крайней мѣрѣ, неучащаго братства, перешедшее, наконецъ, въ открытый ропоть, и Ясинскій, съ болью въ сердцѣ, долженъ былъ отказаться (въ 1673 г.) отъ ректуры и игуменства¹⁾. Весьма острый характеръ имѣли отношенія между академіей и монастыремъ также при ректорѣ академіи архимандритѣ Давидѣ Нащинскомъ (1758—1761 г.), оказывавшемъ болѣе расположенія къ монастырю, чѣмъ къ академіи, вслѣдствіе чего, а, можетъ быть, также и вслѣдствіе ухудшенія своихъ матеріальныхъ средствъ, монастырь значительно ухудшилъ столъ профессоровъ академіи. Послѣдніе, съ префектомъ Самуиломъ Миславскимъ, обратились съ жалобой къ митрополиту Арсенію Могилянскому, который чрезъ консисторскій указъ отъ 10 января 1759 г. выразилъ свою непреклонную волю, чтобы профессора „неоскудно противъ прежняго ѣстнымъ и питейнымъ удовольствовани были“. Но намѣстникъ и старшая братія монастыря, пользуясь поддержкой ректора, подали послѣднему донесеніе, въ которомъ не только признавали невозможнымъ улучшить профессорскій столъ, но просили ходатайствовать предъ митрополитомъ о выдачѣ монастырю, на его нужды, 200 рубл., получавшихся академіей отъ войсковаго скарба, жаловались на чрезмѣрную требовательность профессоровъ и т. под., а намѣстникъ сверхъ того добавилъ, что префектъ „какъ мене, такъ и соборную братію неучтиво ругая, плутами и ворами называлъ, съ произношеніемъ на мене и сихъ словъ, что за невыстаченіе де требуемого доволствія и кнута скушаешь“. Съ своей стороны, префектъ и профессора жаловались митрополиту на ректора и старшую братію монастыря, что они въ послѣднее время еще болѣе ухудшили столъ для

¹⁾ С. Т. Голубевъ, Кіевск. Акад., стр. 5.

профессоровъ, заявляли притязанія на раздѣлъ между собою государственнаго пособія въ 80 рублей и на полученіе одежды на счетъ монастыря и просили, „дабы впредь въ препитаніи учителей не слѣдовало никакова затрудненія и оскуденія, для того приказать архипастирскимъ указомъ, чтобы про всѣ монастырскіе приходи и расходи вѣдалъ префектъ, учителя, и по третямъ года калкуловали бы учителя всѣ монастырскіе записніе книги, такожъ, ежели какіе важные земскіе спорные приключатся дѣла, по опымъ составляли бы какъ учителя, такъ и братія писменніе приговоры и оныя бы представляли ректору съ префектомъ въ разсмотреніе и конfirmaцію, а паче всего, *чтобъ ректоръ по единому своему мнѣнію безъ согласія префекта и учителей ничего не дѣйствовалъ*“. Митрополить потребовалъ объясненія отъ ректора, который явно сталъ на сторону монастырской братіи и написалъ подробное опроверженіе жалобъ и претензій профессоровъ. Но митрополить остался при прежнемъ своемъ рѣшеніи. Этимъ, однако, дѣло не окончилось. Давидъ Нащинскій настолько обострилъ свои отношенія къ преподавателямъ академіи, что вскорѣ (въ 1761 г.) долженъ былъ оставить академическую службу ¹⁾. Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ уясненія неудобствъ соединенія должности ректора академіи и настоятеля монастыря въ одномъ лицѣ, заслуживаетъ вниманія также высказанная преподавателями академіи мысль о необходимости *коллегіальнаго разсмотрѣнія и рѣшенія академическихъ дѣлъ*, которое вполнѣ было предоставлено академіямъ лишь въ настоящемъ году, по включеніи доцентовъ въ число членовъ академическаго Совѣта.

Изложенныя нами два дѣла возникли на почвѣ пристрастныхъ отношеній ректоровъ къ одному изъ двухъ под-

¹⁾ Н. И. Петровъ, Акты и докум., т. II, стр. XXVIII—XXIX и 288—311.

вѣдомыхъ имъ учрежденій. Но исторія нашей академіи представляетъ также не мало доказательствъ того, какъ трудно или, вѣрнѣе, невозможно даже при самомъ безпристрастномъ и вполнѣ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу исполнять одному лицу должности ректора академіи, профессора ея и настоятеля монастыря безъ ущерба для одного изъ этихъ учрежденій или для обоихъ вмѣстѣ. Такъ, Манассія Максимовичъ, черезъ два года по назначеніи его архимандритомъ Братскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія, писалъ въ дописаніи своемъ отъ 19 сентября 1757 г. митрополиту Тимоѳею Щербацкому: „три званія архимандрическое, ректорское и профессорское теологическое доселѣ несу, сколько могу, въ той прежде пріятой надеждѣ, что я думалъ удовлетворить академіи по ректорскому, школѣ по профессорскому, а монастырю по архимандрическому званію, но въ томъ я обмилелся (ошибся). *Бога на совѣсть свидѣтеля призываю, что не можно симъ всѣмъ званіямъ вдругъ на себя имѣющимъ удовлетворить одному человеку.* Школьные профессорскіе дѣла запинаютъ теченіе дѣлъ монастырскихъ, а монастырскіе препятствуютъ школьнымъ. Я чрезъ прошедшіе два года на семъ начальництвѣ пожившы, усмотрѣлъ правильную причину всему не порядку и разворенію Братскаго монастыря сію, что прежние мои антецессоры вразъ ездили и въ консисторію, и школу теологію преподавали, и экономією правили. А въ консисторіи безъ нихъ обойтись можно. Теологіи конца нѣтъ. Экономія такъ запущенна, что уже третья почти часть добръ, въ крѣпостяхъ прописанныхъ, отъ Братскаго монастыря въ разныя руки отойшла, а нѣкоторымъ дѣламъ великимъ до тридесять лѣтъ и болѣе есть, какъ уже слѣдствіемъ произведенни лежатъ, да кончить только ихъ не было и нѣтъ кому, за прописанными резоны“. Поэтому онъ усердно просилъ митрополита поручить экономію Братскаго монастыря особому его настоятелю съ званіемъ архимандрита и выражалъ готовность подчиниться

этому настоятелю, какъ своему начальнику¹⁾. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что обязанности ректора академіи въ XVIII в. были гораздо менѣе сложными, нежели въ позднѣйшее время, тѣмъ болѣе что вся почти администрація академіи внутри ея лежала на префектѣ, который былъ помощникомъ ректора во всѣхъ дѣлахъ и во всемъ долженъ былъ слѣдовать его совѣтамъ и указаніямъ. Тѣмъ болѣе трудно было одному лицу исполнять обязанности ректора и профессора Академіи вмѣстѣ съ обязанностями настоятеля монастыря, безъ ущерба для одного изъ этихъ учреждений, въ позднѣйшее время, когда обязанности ректора значительно усложнились и когда инспекторъ, замѣнившій префекта и получившій особый кругъ обязанностей, не могъ въ академическихъ дѣлахъ замѣнять ректора. Эта трудность, сознававшаяся многими ректорами Академіи, съ особою энергіею была отмѣчена ахримандритомъ (впослѣдствіи епископомъ) Филаретомъ, въ прошеніи, съ которымъ онъ, вскорѣ по назначеніи его на должность ректора Кіевской академіи и настоятеля Кіево-Братскаго монастыря, именно 3 ноября 1860 г. обратился къ митрополиту Арсенію и въ которомъ между прочимъ писалъ: „Принимая во вниманіе общую сложность занятій, требуемыхъ возложенными на меня должностями и между собою разнородныхъ, я нахожу весьма затруднительнымъ для себя совмѣщать съ ними классическія занятія по званію профессора богословскихъ наукъ. Во избѣжаніе какихъ-либо опущеній въ исполненіи моихъ обязанностей, смиреннѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ увольненіи меня отъ профессорской должности и поручить теперь же, до рѣшенія Синода, преподаваніе догматическаго богословія (которымъ занимался ректоръ) кому изъ наставниковъ академіи благоволите признать болѣе

1) Акты и докум., т. II, стр. XVIII и 199—200.

приличнымъ и удобнымъ“. Митрополитъ Арсеній былъ очень недоволенъ такимъ заявленіемъ новаго ректора и убѣждалъ его читать, по примѣру своихъ предшественниковъ, догматику. Но ректоръ Филаретъ остался непреклоненъ въ своемъ намѣреніи и усиленно просилъ митрополита ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ увольненіи его отъ профессорской должности. Просьба его была удовлетворена высшимъ начальствомъ, и съ того времени онъ не читалъ лекцій до введенія въ дѣйствіе новаго академическаго устава (въ 1869 г.)¹⁾. При этомъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что этотъ ректоръ былъ человѣкомъ глубоко преданнымъ наукамъ и достаточно уже заявившимъ свою опытность въ преподаваніи: съ 29 сентября 1851 г. до 1858 г. онъ преподавалъ Св. Писаніе въ Кіевской академіи въ качествѣ бакалавра, съ начала 1858 г. до конца 1859 г. преподавалъ нравственное богословіе въ Казанской академіи въ качествѣ инспектора ея и, наконецъ, съ конца 1859 г. до 6 октября 1860 г. преподавалъ въ Кіевской духовной семинаріи, какъ ректоръ ея, догматическое богословіе, т. е. ту именно науку, отъ преподаванія которой отказался по назначеніи на должность ректора академіи и настоятеля монастыря. Трудность соединенія должности ректора Академіи съ внѣ-академическими должностями имѣли въ виду, повидимому, и составители нынѣ дѣйствующаго академическаго устава; но вмѣсто того, чтобы устранить возможность соединенія разнородныхъ должностей, они, къ явному ущербу академическихъ интересовъ, освободили ректора отъ находящихся въ тѣсной связи съ его должностью обязанностей профессора, предоставивъ ему читать не болѣе двухъ лекцій въ недѣлю по одной изъ богословскихъ наукъ (§ 21).

¹⁾ *И. Н. Корольковъ*, Пресов. Филаретъ. Кіевъ, 1882, стр. 12—13.

Исторія Кіевской академіи не оправдываетъ также присвоившейся до послѣдняго времени исключительно монашескимъ лицамъ привилегіи на занятіе должности ректора въ этой академіи и доказываетъ, что *монашескій санъ не можетъ служить гарантіей* достаточнаго для назначенія на этотъ постъ *ценза* не только умственнаго и научнаго, но и *нравственнаго*. Хотя многіе изъ ректоровъ Кіевской академіи отличались выдающимися умственными дарованіями, многосторонними и глубокими знаніями и высокими нравственными качествами и заслужили благодарность потомства своею благотворною дѣятельностью на пользу Академіи и науки, но встрѣчаются между ними и такіе, которые не только въ умственномъ и научномъ отношеніи не соответствовали своему назначенію и небрежно относились къ своимъ обязанностямъ, но, не смотря на свое высокое положеніе и монашескій санъ, запятнали себя даже рядомъ преступленій и нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ требованій нравственности и благоприличія. Такъ, по свидѣтельству Теофана Прокоповича, нѣкоторые изъ ректоровъ Академіи и настоятелей Братскаго монастыря обнаружили „нерадѣніе, лѣнь, оспалость, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ днепочныхъ забавокъ“. Эта характеристика относится къ нѣсколькимъ ректорамъ, но главнымъ образомъ къ Θεодосію Гугуревичу (1685—1688 г.), человѣку не безъ дарованій, но извѣстному своею крайне безнравственною жизнію и многими преступленіями ¹⁾. Столь же печальную память о себѣ оставилъ ректоръ Іоасафъ Моховъ, назначенный на эту должность въ февраль 1814 г. и вызвавшій несоответствующимъ своему званію и преступнымъ образомъ дѣйствій слѣдующую резолюцію митрополита Серапіона, утвержденную Св. Синодомъ 30 іюня 1817 года: „отрѣштитъ архимандрита Іоасафа на-

¹⁾ С. Т. Голубевъ, Кіевск. Акад., стр. 5—53; Н. И. Петровъ, Кіевск. Акад., стр. 45.

всегда отъ настоятельскаго въ Братскомъ монастырѣ и отъ ректорскаго съ богословскимъ учительскимъ званій, яко ни къ первому, ни къ обоимъ другимъ вовсе неблагонадежнаго чрезъ захваченіе монастырскихъ денегъ и вещей, въ совѣсти подозрительнаго, неспособнаго и потерявшаго всю довѣренность, какову начальствующимъ въ монастыряхъ и образующимъ умы и нравы учащихся свято и примѣрно для другихъ хранить подобаетъ, и дабы онъ въ здѣшнемъ городѣ (Кіевѣ), куда во множествѣ стекаются различныя и отличныя народы, не былъ позоромъ для духовенства и важнаго духовнаго училища, удалить его отсель и изъ предѣловъ Кіевской епархіи въ отдаленное по благоразсмотрѣнію Св. Правительствующаго Синода мѣсто“¹⁾).

Префектъ, первое, послѣ ректора, лицо въ академіи, или избирался самою академіей, или же назначался по представленію ректора митрополитомъ. Также и преподаватели академіи иногда избирались академическою корпораціей, а иногда назначались, по представленію ректора и префекта, митрополитомъ. Но иногда митрополиты сами непосредственно назначали какъ префекта, такъ и преподавателей. Въ избраніи иногда принимали участіе катедральный намѣстникъ и члены консисторіи²⁾). Въ помощь префекту назначались обыкновенно самимъ префектомъ *инспекторы изъ студентовъ* старшихъ курсовъ. Они должны были наблюдать за ученіемъ и поведеніемъ младшихъ воспитанниковъ академіи и главнымъ образомъ тѣхъ изъ нихъ, которые жили на частныхъ квартирахъ, и получали плату за свой трудъ деньгами и провизіей отъ самихъ воспитанниковъ. Какъ студенты, они конечно, не могли быть опытными

¹⁾ Н. О. Мухинъ, Кієво-Братскій монастырь, стр. 210—217.

²⁾ Н. И. Петровъ, Акты и док., т. I, ч. 1, стр. 195; т. II, стр. XIV, XXVI, 316—319; С. Т. Голубевъ, Кієв. Акад., стр. 14—15.

воспитателями и пользоваться авторитетомъ, соответствен-нымъ возложенной на нихъ обязанности, и это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ режимомъ, какой поддерживался этими и позднѣйшими инспекторами, было, безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ того, что съ теченіемъ времени самое имя инспектора сдѣлалось для учащихся одіознымъ, и въ академіяхъ возникло, вмѣстѣ съ сознаніемъ необходимости измѣненія характера инспекторскаго надзора, также стремленіе замѣнить и это имя именемъ проректора, тѣмъ болѣе что и по университетскому уставу 1863 г. инспекторами назывались лишь лица, избиравшіяся изъ стороннихъ чиновниковъ, а избиравшіяся изъ профессоровъ назывались проректорами (§ 63), хотя обязанности тѣхъ и другихъ были тождественны.

Въ настоящее время одною изъ наиболее назрѣвшихъ нуждъ, вызываемыхъ потребностями времени и интересами православной церкви, признается наиболее безпристрастными компетентными лицами превращеніе академій въ *открытыя учрежденія*, съ предоставленіемъ доступа въ нихъ, по возможности, всѣмъ, желающимъ получить высшее богословское образованіе и удовлетворяющимъ требованіямъ образовательнаго ценза, и *свобода обученія* или предоставленіе самимъ учащимся выбора той или другой группы преподаваемыхъ въ академіи наукъ. Такою была и Кіевская академія до половины XVIII вѣка; она смотрѣла на эти особенности своего строя, какъ на свои особыя вольности или привилегіи, и старалась охранять эти привилегіи отъ стремленій высшей церковной власти къ уничтоженію ихъ. Академія имѣла всесловный характеръ. Въ нее принимались всѣ, искавшіе образованія, безъ различія ихъ званія и положенія, лишь бы были православнаго исповѣданія и имѣли извѣстную подготовку. Уже по дарственной записи Галшки Гулевичовны (1615 г.) въ предполагавшуюся къ открытію Кіевскую школу долженъ былъ предоставляться доступъ „дѣтемъ такъ шляхетскимъ,

яко местскимъ“. Также въ царской грамотѣ 1694 г. говорится, что въ Кіевскія школы могутъ быть принимаемы дѣти російскаго народа всякихъ чиновъ, и изъ иныхъ странъ приходящіе, благочестивой греко-россійской вѣры ревнители. То же было повторено въ грамотахъ Петра Великаго 1701 г. и Елизаветы Петровны 1742 г. Дѣтей духовенства почти до половины XVIII в. меньше всего училось въ Кіевской академіи. Только около половины XVIII в. число дѣтей духовенства въ академіи начинаетъ значительно возрастать, а съ конца XVIII в. они уже преобладаютъ по численности надъ дѣтьми изъ другихъ сословій, благодаря главнымъ образомъ понужденію духовенства, со стороны церковной власти, къ отдачѣ своихъ дѣтей въ академію ¹⁾. Нужно замѣтить также, что Кіевская академія имѣла общеобразовательный характеръ. До 1689 г. въ ней не было даже богословскаго курса. Естественно, поѣтому, что она не носила также и названія *духовной* академіи. Это наименованіе она получила лишь въ 1819 г., по преобразованіи ея въ спеціальное, высшее духовно-учебное заведеніе для приготовленія дѣтей духовенства къ служенію православной Церкви. Будучи всесословнымъ учрежденіемъ, Кіевская академія пользовалась также привилегіей свободы ученія: учащіеся, смотря по степени своей подготовки и по своему желанію, могли поступать или въ низшіи или въ одинъ изъ среднихъ и высшихъ классовъ, представлявшихъ опредѣленную группу извѣстныхъ научныхъ предметовъ, могли также во всякое время свободно прекратить ученіе и снова возобновить его. По стародавнему обычаю, доносилъ Кіевскій архіепископъ Рафаилъ Заборовскій Св. Синоду 16 іюля 1738 г., „сту-

¹⁾ Н. И. Петровъ, Акты и док. т. 1, ч. 2, стр. VIII, 268—271; т. II, стр. XXXII—XXXIII; Вишневскій, Кіевская Акад. въ первой полов. XVIII стол. Кіевъ, 1903, стр. 94—95; Серебряниковъ, стр. 197—202.

денты училищъ кіевскихъ... суть люде разнаго званія въ Малороссіи, а паче большое число зъ зарубежа Полской области приходящіи, яко свободніи люде, въ школахъ кіевскихъ свободно пришиваются, и сколько кто пожелаетъ, учится, и всегда съ временемъ прибавляются, а съ временемъ убываютъ ученики, и инши въ другіе училища Черниговскіе и Харьковскіе, а инши за рубежь Полской области, близъ Кіева лежацій, ради обученія отходятъ, инніе же въ разніе какіе кто похощеть когда знанія. по древнимъ здешнимъ обыкновеніямъ отлучаются“. Синодальнымъ указомъ 9 августа 1738 г. эта свобода обученія ограничена была для дѣтей духовенства, которыя съ сего времени „неотмѣнно въ школьномъ обученіи быть ололжались, для чего онымъ и бродить противъ прочихъ обучающихся разночинцовъ, своевольно не попускать“ приказывалось. Но въ дѣйствительности этотъ указъ далеко не всегда исполнялся въ точности, и дѣти духовенства попрежнему пользовались сравнительною свободою обученія¹⁾.

Такъ какъ Кіевская академія была всесловною, имѣла общеобразовательный характеръ и доставляла кандидатовъ на должности не столько по духовному и духовно-учебному вѣдомству, сколько по гражданскому, то естественно, что нѣкоторые изъ представителей государственной власти заботились о возвышеніи даваемого ею образованія. Среди нихъ возникъ (въ 1763 г.) даже проектъ *преобразовать академію въ университетъ*, расширивъ существующіе въ ней курсы и образовавъ изъ нихъ четыре факультета, среди которыхъ оставался бы съ подобающимъ значеніемъ и обширный *факультетъ богословскій*. Проектъ этотъ принадлежитъ гетману К. Г. Разумовскому, но не

¹⁾ Акты и док., т. I, ч. 1, стр. IX—XII.

получилъ осуществленія¹⁾. Такимъ образомъ еще въ половинѣ XVIII в. существовало сознание необходимости расширения и спеціализаціи преподаваемыхъ въ академіи наукъ, вшедшее болѣе скромное выраженіе при преобразованіи академій въ 1869 г. въ группировкѣ наукъ по тремъ отдѣленіямъ и возобновившееся въ послѣднее время въ проектахъ возстановленія отдѣленій въ академіяхъ и учрежденія богословскихъ факультетовъ въ университетахъ.

Не лишены значенія для настоящаго времени и нѣкоторыя особенности студенческаго быта въ старой Кіевской академіи. Такъ, въ академіи существовали *студенческія организаціи* или *корпораціи* подъ именемъ *конгрегацій*, начало которымъ положилъ Петръ Могила, но которыя вскорѣ послѣ того прекратили существованіе и были возобновлены въ концѣ XVII вѣка ректоромъ академіи Іоасафомъ Кроковскимъ. Это были общества или братства, преслѣдовавшія главнымъ образомъ учебно-воспитательныя и религіозныя цѣли, но отчасти также благотворительныя цѣли, и именно вспоможеніе нуждающимся студентамъ академіи. Членами конгрегацій были студенты академіи, но не всѣ, а лишь желающіе, и тѣ изъ нихъ, которые обучались въ высшихъ классахъ, назывались *sodales Majoris Congregationis*, а обучавшіеся въ низшихъ классахъ назывались *sodales Minoris Congregationis*. Для завѣдыванія дѣлами каждой конгрегаціи членами ея избирались изъ своей среды по пяти должностныхъ лицъ: префектъ, два вице-префекта или ассистента, нотаріусъ или секретарь и вице-нотаріусъ. Выборы, равно какъ и вступленіе въ члены конгрегацій, были обставлены очень торжественно. Конгрегаціи пользовались правами юридически признаннаго учрежденія: имѣли собствен-

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. XII—XIII; Пятидесятилѣтній юбилей К. Д. А. Кіевъ, 1869, стр. 77.

ную печать, составляли акты, вступали въ денежные сдѣлки, подавали прошенія въ суды и т. под.¹⁾). Уже самое существованіе конгрегацій показываетъ, что студенты могли устраивать *сходки*. Студенческія сходки иногда имѣли демонстративный характеръ; на нихъ обсуждались отношенія ближайшаго начальства къ студентамъ, составлялись иногда *петиціи* высшему начальству и т. под. Происходили нерѣдко, не смотря на жестокія наказанія, примѣнявшіяся въ тѣ времена къ провинившимся студентамъ, бунты или *возстанія студентовъ противъ инспекціи* въ лицѣ префекта и иногда демонстративное непосѣщеніе лекцій (*бойкотированіе*) профессоровъ, вызвавшихъ чѣмъ-либо недовольство студентовъ. Такъ, въ 1733 году произошло „философическое возмущеніе“, направленное противъ тогдашняго префекта академіи и профессора іеромонаха Стефана Калиновскаго, несправедливо, по мнѣнію студентовъ, наказавшаго философа Чарнѣцкаго за какую-то провинность. За Чарнѣцкаго вступились его товарищи: на слѣдующій день они не пошли на префектовскую лекцію, составили въ квартирѣ одного изъ товарищей петицію митрополиту на префекта и подали ее митрополиту Рафаилу Заборовскому. По разслѣдованіи дѣла митрополитъ постановилъ: Чарнѣцкаго, „какъ непотребнаго философа, противника и прoderзателя... яко всему философическому возмущенію ргішм causatorem, въ брамѣ вѣнугрѣ цвѣтара зазвонившы въ звонокъ школьный, плетью выбыть, при собраніи протчихъ студентовъ, дать ему шестьдесятъ плягъ, и изъ школъ выексклюдовать. Протчихъ философвъ (именно 9 лицъ)... бить плетью. Остальныхъ же двадцати человекъ за презрѣніе лекціи префектовской наказать плетью въ ке-

¹⁾ Акты и док. т. I, ч. 1, стр. XXXI и 61—62; С. Т. Голубевъ, Кіев. Акад., стр. 19—20 и 76—78.

ліи архимандричей, то есть бывшихъ на кондиціи, а жившимъ въ бурсѣ въ недѣлю цвѣтоносную, держа въ рукахъ свѣчи, предъ иконою Богоматери чрезъ всю литургію на колѣнахъ стоять“ 1).

Сдѣланныя нами извлеченія изъ исторіи Кіевской академіи, полагаемъ, достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что жизнь старой нашей академіи имѣетъ много общаго съ современною, и служа къ освѣщенію послѣдней, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что нѣкоторыя изъ предполагаемыхъ и отчасти уже осуществившихся измѣненій академическаго строя не составляютъ новшествъ, но существовали въ нашей академіи въ давнія времена, что и въ тѣ времена обнаруживались и сознавались нѣкоторые изъ тѣхъ недостатковъ академическаго строя, устраненіе которыхъ признается теперь необходимымъ людьми, наиболее интересующимися благоустройствомъ духовныхъ академій и развитіемъ православной богословской науки, и что, наконецъ, нѣкоторыя изъ обнаружившихся въ послѣднее время нестроеній академической жизни имѣли мѣсто также въ старой Кіевской академіи, не смотря на практиковавшіяся въ тѣ времена суровыя репрессивныя мѣры.

Н. Дроздовъ.

1) Акты и док., т. I, ч. 1, стр. 219.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**